

МАГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В РОМАНЕ Х. ПОБЯРЖИНОЙ «ВАЛСАРБ»

Д. Ю. Сырысева

*Кандидат филологических наук,
Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,
ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069, г. Москва, Россия,
syryseva97@mail.ru*

В статье рассматриваются особенности поэтики романа «Валсарб» (2023 г.) современной писательницы Хелены Побяржиной, способы конструирования и репрезентации реальности в художественной канве повествования. На уровне макропоэтики романа магическая реальность проявляется в ритмической организации повествования (характеристика города Валсарба), аналогиях со сказочными сюжетами и образами (принцесса, девушка Бараний Кожушок, царевна Дрива), в предельно субъективной манере повествования (прием Ich-Erzählung). Показ мира призраков и духов, с которым героиня вступает в контакт, комплекс мотивов (одиночества, тоски, памяти) характеризуют магическую реальность романа на уровне микропоэтики. Мотивы одиночества, культурной и исторической памяти, мортальности задают экзистенциальную тональность прочтения произведения.

Ключевые слова: магическая реальность; хронотоп; мортальность; проза; сказка.

МАГІЧНАЯ РЭАЛЬНАСЦЬ У РАМАНЕ Х. ПАБЯРЖЫНАЙ «ВАЛСАРБ»

Д. Ю. Сырысева

*Кандыдат філалагічных науок,
Інстытут сусветнай літаратуры ім. А. М. Горкага Расійскай акадэміі наукаў,
вул. Поварская, д. 25А, стар. 1, 121069, г. Масква, Расія,
syryseva97@mail.ru*

У артыкуле разглядаюцца асаблівасці паэтыкі рамана «Валсарб» (2023 г.) сучаснай пісьменніцы Хелены Пабяржынай, спосабы канструювання і рэпрэзентацыі рэальнасці ў Мастацкай канве апавядання. На ўзроўні макрапаэтыкі рамана магічная рэальнасць выяўляецца ў рымічнай арганізацыі апавядання (характарыстыка горада Валсарба), аналогіях з казачнымі сюжэтамі і вобразамі (прынцэса, дзяўчына Барановы Кажушок, царэўна Дрива), у гранічна суб'ектыўнай манеры апавядання (прыём Ich-Erzählung). Паказ свету зданяй і духаў, з якім герайня ўступае ў контакт, комплекс матываў (адзіноты, тугі, памяці) характарызуюць магічную рэальнасць рамана на ўзроўні мікрапаэтыкі. Матывы адзіноты, культурнай і гістарычнай памяці, мартальнасці задаюць экзістэнціяльную танальнасць чытання твора.

Ключавыя слова: магічная рэальнасць; хранатоп; мартальнасць; проза; казка.

MAGICAL REALITY IN THE NOVEL BY H. POBYARZHINA «VALSARB»

D. Yu. Syryseva

PhD,

*A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Povarskaya St., 25A, building 1, 121069, Moscow, Russia,
syryseva97@mail.ru*

The article discusses the features of the poetics of the novel «Valsarb» (2023) by the modern writer Helena Pobyarzhina, the methods of constructing and representing reality in the artistic canvas of the narrative. At the level of the macropoetics of the novel, magical reality is manifested in the rhythmic organization of the narrative (characteristics of the city of Valsarb), analogies with fairy-tale plots and images (the princess, the girl Ram's Skin, the princess Driva), in an extremely subjective manner of narration (the Ich-Erzählung technique). The presentation of the world of ghosts and spirits with which the heroine comes into contact, the complex of motives (loneliness, melancholy, memory) characterize the magical reality of the novel at the level of micropoetics. The motives of loneliness, cultural and historical memory, mortality set the existential tone of reading the work.

Keywords: magical reality; chronotope; mortality; prose; fairy tale.

Роман современной писательницы Хелены Побяржиной «Валсарб», в котором рассказывается о прошлом как отдельной семьи (рассказчик – маленькая девочка, взрослеющая и познающая мир; прием повествования Ich-Erzählung), так и о трагическом прошлом города Браслава XX в., в художественном мире произведения названного Валсарбом (языковая игра), рассматривался как роман «потока сознания», в котором значимым приемом конструирования внутреннего мира и хронотопа выступает прием «несобственно-прямой речи» [1]. Хелена Побяржина, характеризуя поэтику произведения, относит роман к жанру «мистического реализма», упоминая творчество Н. Гоголя, где «реальность переплетена с элементами фантастического», при этом подчеркивает, что происходит и мистическое в романе «каждый читатель волен воспринимать по-своему» [2]. В романе «Валсарб» актуализируются также особенности поэтики и эстетики магического реализма, хотя писательница, говоря о магическом реализме и магии, полагает, что это литература фэнтези – «что-то из мира «Гарри Поттера» с волшебными палочками и заклинаниями. Когда писала свою книгу, мне она казалась абсолютно реалистичной. Я просто знаю, что необычные вещи порой случаются. Существует нечто такое, что невозможно объяснить. Из моей веры в чудеса и родил-

ся роман. Думаю, что в моменты душевных потрясений и тотального одиночества у человека обостряется чувство сверхъестественного» [2]. Можно отметить, что подобная характеристика писательской стратегии (вера в чудесное, показ обостренного чувства одиночества) также характерна для феномена магического реализма.

Как же показывается магическая реальность в романе? Действие романа разворачивается в городе Валсарб, характеристика которого создает особый ритмический рисунок в романе: «Валсарб – это город-кладбище. Здесь чувствуешь мертвых под ногами» [3, с. 21], «Валсарб – это город-озеро. Иной раз кажется: потеряй вся окружающая вода терпение, она сможет затопить все улицы, по макушку Замковой. К счастью, пренебрежение Валсарб демонстрирует чаще, чем истерики» [3, с. 76], «Валсарб – город-сад, где нарядными старшеклассниками на торжественной линейке выступают аллеи каштанов, шкодливо бросая под ноги свои плоды, трепетно кланяются длинноволосые ивы, демонстрируют неглиже березы, черемуха и яблони соперничают в звании “Лучший наряд весна-лето”, перекати-поле тополиного пуха играет на стадионе в футбол» [3, с. 143], «... Валсарб – город-ветер, несметное количество озер приносят эти воздушные течения со всех сторон, их воронка находится именно здесь, именно рядом с Тобой» [3, с. 176], «Валсарб – это город-остров. Он скрыт среди озер и жаждет покоя. Пока его не трогают, он спит. Или притворяется спящим. Может показаться, что у него расстройство памяти, но он все помнит, только напоказ не выставляет» [3, с. 261]. В определенные моменты повествования, когда героиня испытывает чувство потерянности, неприятия среди окружающих, одиночества, она как будто разговаривает с самим городом, пытается понять его загадку, внутреннюю, скрытую от глаз посторонних суть. Это приводит к тому, что город приобретает специфические, ирреальные характеристики (например, город-ветер). Некоторые здания в городе воспринимаются девочкой как волшебные, сказочные («Костел похож на замок, хоть я и не была в настоящих замках, но, думаю, так они и выглядят: шпили высокие, окна полукруглые, двери тяжелые» [3, с. 15]). Валсарбу присущи камерность, некая игрушечность. Он кажется маленьким и самозамкнутым.

В этом городе пересекается прошлое разных столетий и эпох, существует в одном пространственно-временном континууме (девочка видит призраков, как из старого деревянного замка, уже разрушенного столетия назад, так и призраков солдат и замученных жертв войн XX в.). В городе есть некие пространства, которые характеризуются в сказочных координатах. Так, район Зaborные Гумна – это «за Тридевять земель»,

там обитает похожий на Кощя Бессмертного прадед [3, с. 12]. Поездка на мотоцикле как сказочное путешествие «туда – не знаю куда, в поисках того – не знаю чего» [3, с. 12]. Реальность часто пересекается со сказочными сюжетами (например, сказка про девушку Бараний Кожушок, легенда о возникновении озера, связанная с царевной Дривой), маленькая героиня воспринимает себя как персонажа сказки или присказки (принцесса в карете, кошка, которая любит добрые слова). Девочка испытывает сильный стресс, когда узнает о внезапной смерти маленькой двоюродной сестренки, как будто восстает против самой реальности: «Нет никаких сил и желания иметь дело с объективной реальностью, подняться на бетонное крыльцо, войти на веранду и встретиться со всем этим лицом к лицу. Установить эмпирический факт» [3, с. 225]. Ей хочется спрятаться в фантазии и воображении, поверить в чудо. Если маленькая героиня полагает, что прошлое и настоящее существуют как будто одномоментно, что можно что-то дофантазировать и вообразить, то ближе к концу романа уже повзрослевшая героиня придет к выводу о том, что прошлое только и сохраняется, преобладает, от него нельзя уйти: «Есть только Прошлое. Позапрошлое. Позапозапрошлое» [3, с. 280]. Мотив памяти становится доминирующим – героиня вспоминает свое детство в ситуациях, вызвавших особо сильные эмоциональные потрясения и душевные отклики (насмешки и издевательства в школе, смерть младшей сестры, отношения с родителями, столкновение с миром мертвых призраков, которое она пытается себе объяснить, увлеченность поэзией). Уже выросшая героиня понимает, что даже отношения со школьной подругой Таней распадаются, поскольку между ними «пропасть» [3, с. 273]. Будучи маленькой, героиня не находит друзей, общение с одноклассницами вызывает чувства уязвимости и непонятного отвращения.

Дом, в котором живет героиня (микроконтинуум), населяют призраки, которых видит героиня, но не замечают ее родители. Это бывшие люди, «они как люди, совсем как люди, только печальные, никогда не улыбаются, и глаза у них холодные» [3, с. 128]. Мама думает, что в их доме живут домовые, бабушка говорит внучке, пытаясь объяснить некоторые мистические странности, что «или Бог, или домовые. Каждому по вере его. Домовые – это суеверие. Для тех, кто верит в Бога» [3, с. 127]. Маленькую девочку пугает девушка, сидящая на диване в зале, с длинными волосами и залитым кровью лицом. Она вторгается во сны, что приводит к тому, что у девочки как будто начинается лунатизм и хождения во сне. Эта девушка «уходила, вынуждая меня следовать за ней, я не могла сопротивляться, ни разу не вышло, чтобы моя взяла, и я иду, как пришитая, не разбирая пути, и сбежать нельзя» [3, с. 110]. Призраки ча-

сто приходят в ненастную погоду, в дождь, это «прорва бывших людей, такое чувство, что в моей комнате у них пансионат, не говоря уже о снах – там вообще проходной двор» [3, с. 124]. Попытки героини узнать, кто она для этих призраков, приводят к тому, что она понимает: «Ты тоже нем и все-таки говоришь со мной. Я спрашиваю: «Кто я?» Ты отвечаешь: «Ты – то, что тебе снится»» [3, с. 126]. Героиня, благодаря эмпатии, доброте и искренности, как будто становится медиумом-сновидцем, который может наблюдать прошлое из своеобразных рассказов, снов, которые показывают ей приходящие призраки. Девочка признается, что не любит слушать истории о бывших людях, об умерших, потому что «они мне потом снятся. Приходят, совсем как живые, и рассказывают свои истории – посланники потустороннего мира. Я не всегда понимаю, что они говорят. Иногда они изъясняются картинками. Если к утру эти сны превращаются в слякоть или мутную, смутно-тревожную дымку, эти люди возвращаются потом снова и снова. Они справляются с препятствиями, стенами, рвом, лабиринтом, барьерами. Любое болото переходят вброд» [3, с. 165]. Она понимает мучающую их боль («хотят быть услышанными. Во что бы то ни стало. Не их вина, что Клото как попало сплела нити их судеб и теперь они вынуждены напоминать о себе» [3, с. 166]). Понимает их неизбывную тоску и печаль, и их причины: «Бывшие люди не могут написать свою жизнь. Эту грань им не перейти – пусть их жизнь и была примечательнее жизней многих. Они являются ко мне и под диктовку снов заставляют себя выслушать» [3, с. 166]. Попытка прогнать призраков приводит лишь к тому, что они становятся тише и печальнее. Девочка интуитивно чувствует, что навещающий ее чаще всех призрак парня – позже она поймет, что это призрак поэта С. Эфрана, – не демон, объясняя это: «у Тебя печальные, не злые глаза. Думаю, здесь нет никакого таинственного смысла, и Ты послан мне для того, чтобы я не чувствовала себя такой одинокой, хотя иной раз мне кажется, что Ты хочешь, чтобы я о Тебе рассказала. Я не знаю, как рассказать о Тебе, а главное – кому» [3, с. 96]. Общение с призраком, как с лучшим другом, становится личным переживанием, сильным чувством привязанности. Происходящее в квартире приводит к тому, что герои пытаются сбежать из дома, стараются реже появляться в нем. Дом становится почти антидомом, особым порталом, связанным с миром потусторонних сущностей. Маленькая героиня признается, что от тоски и одиночества ее спасает литература («Когда становится совсем тоскливо, я воображаю себя Козеттой – брошенной и несчастной» [3, с. 187]), мир фантазии и воображения. Героиня видит своего двойника («Мой бледно-серый двойник отражается в стекле, я встречаюсь с ним / с ней взглядом» [3, с. 46]), но он не пугает ее так сильно, как некоторые призраки.

Таким образом, магическая реальность связывается с особенностями ритмической организации повествования (характеристика города Валсарба), аналогиями со сказочными сюжетами и образами (принцесса, Бараний Кожушок, Дрива) на уровне макропоэтики, на уровне микропоэтики – с образами призраков и духов, комплексом мотивов (одиночества, тоски, памяти). Повествование от первого лица усиливает субъективное восприятие реальности и времени.

Библиографические ссылки

1. Загертдинов Р. Н. Роль несобственно-прямой речи в организации художественного времени романа «Валсарб» // Вестник Литературного института имени А. М. Горького. 2023. № 2–3. С. 197–206. DOI: 10.24412/2408-9451-2023-2-3-198-206.
2. Иванов А. Мистический реализм в творчестве белорусской писательницы Хелены Побяржиной // Белновости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belnovosti.by/kultura/misticheskiy-realizm-v-tvorchestve-belorusskoy-pisatelnicy-heleny-pobyarzhinoy>. (дата обращения: 30.03.2025).
3. Побяржина Х. Валсарб. Москва: Альпина нон-фикшн, 2025.